

ДНЕВНИК ГЕРОЕВ БУДУЩЕГО

ПОВЕСТЬ В ТРЁХ ГЛАВАХ

Шуль Берт

12+

Шуль Берт

Дневник героев будущего

«Автор»

2026

Берт Ш.

Дневник героев будущего / Ш. Берт — «Автор», 2026

Пятого мая 2029 года над городом Заречным разорвалось небо, и в поле за рекой упали коробки. Взрослые решили, что это чья-то авария. Кирилл решил иначе — и открыл новую тетрадь. Их трое. Кириллу четырнадцать, Михаилу семнадцать, а старшего все зовут Маршалом. Мамы нет уже три года. Вместо того чтобы жить нормально, братья три года варят в ангаре за домом корпус ракеты — из бракованного материала, который никто не сумел ни разрезать, ни расплавить. Потом из космоса приходит голос. А дальше в тетради появляются записи, которых там быть не должно: про порог чёрной дыры, про засаду у Солнца и про тех, кого считали потерянными навсегда. Всё записано точно — сколько градусов, сколько метров, сколько осталось. Потому что через сто лет кто-нибудь спросит, как это было.

© Берт Ш., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Запись	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПЯТОЕ ЧИСЛО	6
1. Утро, когда упало небо	7
2. Коробки	9
3. Город, который поверил	11
4. Ночь, которую никто не должен был увидеть	12
5. Голос из космоса	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Шуль Берт

Дневник героев будущего

Запись

Повесть в трёх главах

* * *

Эта книга собрана из тетрадей моего старшего брата.

Маршал вёл их с того дня, как умерла мама, и не пропустил, кажется, ни одного вечера: где были, что делали, кто что сказал, сколько градусов, сколько метров, сколько осталось. В космосе он писал карандашом, потому что ручка в невесомости пишет через раз.

Я ничего не придумывал. Я только расставил по порядку и убрал места, где он ругался.

К. — Заречный, 2031

* * *

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПЯТОЕ ЧИСЛО

Тетрадь третья, страница 1. «5 мая 2029, 6:20. Небо расчерчено. Считаю точки — сбился на семнадцатой. Записываю всё подряд, потому что потом никто не поверит».

1. Утро, когда упало небо

Пятого числа в городе Заречном стояла такая тишина, что было слышно, как в трубе водостока перекачивается прошлогодний лист.

Заречный был городом небольшим и упрямым: пять улиц вдоль, три поперёк, водонапорная башня с облезлой красной звездой, автобус номер четыре, который ходил, когда хотел, и огромное небо — такое, что город лежал на самом его дне, как монетка на дне колодца.

Кирилл проснулся раньше всех. Ему было четырнадцать, и он всегда просыпался раньше всех — не потому что любил вставать, а потому что мысли у него включались раньше, чем глаза.

И ещё один звук.

Тонкий, длинный, будто кто-то очень аккуратно рвал по всей длине неба огромный лист бумаги.

Кирилл сел на кровати.

— Миш, — сказал он в темноту. — Миш, слышишь?

С соседней кровати донеслось невнятное:

— Мгм.

— Нет, ты послушай.

Михаил, которому было семнадцать, спал в носках и в свитере, потому что дом был старый и по ночам выстывал. Он приподнял голову с видом человека, который не проснулся, а просто временно всплыл на поверхность.

— Ветер, — сказал он.

— Ветер так не умеет.

Звук изменился. Он стал ниже, гуще, и в нём появилось что-то неприятное — как будто далеко-далеко поехал по рельсам очень тяжёлый состав, только рельсы эти шли по воздуху.

Михаил сел.

Они выскочили в коридор одновременно, толкнув друг друга плечами у вешалки, где висели три куртки, мамина шаль и вечно падающий с крючка велосипедный насос. В большой комнате уже горел свет.

У окна, спиной к ним, стоял Маршал.

Маршалу было девятнадцать, и его имя писалось именно так — Маршал, с большой буквы и без всяких шуток. Так его называл дедушка, который считал, что имя должно быть как гвоздь: коротким и таким, чтобы держало.

— Смотрите, — сказал он, не оборачиваясь.

Небо над сопкой было расчерчено.

По нему шли следы — белые, ровные, но не как от самолёта. Самолётный след тянется тонкой ниткой и медленно расплывается. А эти были толстые, короткие, рваные, и в конце каждого горела точка.

— Метеоритный дождь? — спросил Михаил.

— Метеориты не тормозят, — сказал Маршал.

— В смысле?

— В прямом. Смотри на ту, которая слева.

Они посмотрели. Точка слева шла вниз, потом её след сделался почти вертикальным, потом она замедлилась — это было видно, честное слово, было видно, — и легла в длинную пологую дугу, как будто кто-то в ней сидел и выбирал место помягче.

— Ой, — сказал Михаил.

Кирилл ничего не сказал. У него внутри стало очень холодно и очень интересно одновременно — так бывает, когда стоишь на самом краю трамплина и уже понимаешь, что прыгнешь.

Первая точка ударила в поле за рекой.

Звука не было секунд шесть. Кирилл считал: раз-и, два-и, три-и. Потом дом мягко качнуло, в серванте звякнули чашки, и по стеклу пробежала дрожь.

— Пятое число, — сказал Маршал негромко, как будто записывал в тетрадку. — Шесть двадцать утра.

Он записывал всегда. В общую тетрадь в клетку — ту самую, третью по счёту, которую потом напечатают.

Точки падали ещё минут двадцать. Не только над Заречным: позже выяснится, что в то утро небо расчертило над половиной Азии — над Казахстаном, над Китаем, над всей Сибирью до самого Урала. Но тогда братья знали только, что за рекой в поле что-то лежит.

— Одеваемся, — сказал Маршал.

— А если это опасно? — спросил Михаил.

— Конечно опасно, — сказал Маршал. — Одевайтесь тепло.

2. Коробки

Мост через реку в Заречном был пешеходный, железный, с деревянным настилом, и он гудел под ногами, как большая гитара. Братья шли по нему втроём, и мост гудел на три голоса.

Поле начиналось сразу за мостом — жёлтое, в жёсткой прошлогодней траве, с проплешинами снега в низинах. Над дальним его краем стоял дым: не чёрный, а белый, будто пар.

Народ уже шёл. Кто-то в тапках. Дядя Гена из третьего дома нёс топор — на всякий случай, потому что дядя Гена всё делал на всякий случай. Учительница биологии Нина Петровна шла в пальто поверх халата. Пацаны с параллели бежали и орали, что там ракета.

Там была не ракета.

В поле, в чёрной обугленной проплешине метров пятнадцать шириной, лежала коробка.

Именно коробка. Не капсула, не тарелка, не корабль. Ровный серый параллелепипед размером с гараж, без единого шва, без окон, без надписей. Он лежал слегка накренившись, вдавив под себя землю, и от него шёл белый пар — просто потому, что промёрзшая земля вокруг таяла.

Толпа встала кольцом метрах в тридцати. Никто не подходил ближе. Это было странное, тихое стояние — сто человек молча смотрят на серый ящик, и никто не знает, что говорить.

— Военные едут? — спросил кто-то.

— Связи нет, — ответил кто-то. — Вообще нет.

Кирилл вытащил телефон. Сетки не было. Не «плохая сеть», а вообще ничего — пустой уголок экрана.

— Маршал, — тихо сказал он. — А что если...

— Тихо, — сказал Маршал.

Коробка щёлкнула.

Это был очень аккуратный, очень домашний звук — как будто закрылась дверца микроволновки. Толпа отшатнулась вся сразу, одним движением, как трава от ветра.

Верхняя грань коробки разъехалась. Не откинулась крышкой, а именно разъехалась — плавно, бесшумно, на восемь треугольных лепестков, и они легли вниз, к земле, образовав пологие пандусы.

Внутри стояли роботы.

Их было много. Они стояли плотно, ряд к ряду, как книжки на полке, и первые несколько секунд не двигались, и можно было их рассмотреть.

Ростом они были человеку по грудь. Матовые, серо-зелёные, как старая армейская фляжка. Тело — вроде приплюснутого бочонка. Четыре тонкие суставчатые ноги, но движения не паучьи, а птичьи, осторожные. Наверху — не голова, а кольцо из мелких линз по всему кругу. И две пары рук: одна грубая, с ковшками, вторая тонкая, с пальцами длинными и гибкими, как у пианиста.

И на груди у каждого — единственная деталь, которая не была серой: круглый значок, вроде монетки, тёплого жёлтого цвета. Он мягко светился.

Первый робот шагнул на пандус.

Толпа сделала ещё шаг назад, кто-то взвизгнул. Робот остановился. Повернул кольцо линз — оно провернулось со звуком, с каким крутится хорошо смазанная катушка. И вдруг согнул передние ноги и опустился.

Он поклонился.

Тишина стала другая — уже не испуганная, а изумлённая.

— Он что... — начал Михаил.

Робот выпрямился, сошёл с пандуса, сделал десяток шагов в поле, присел, сунул тонкие пальцы в землю и замер секунды на три. Потом встал и пошёл дальше. Присел. Замер. Пошёл.

Из коробки потянулись остальные — по одному, спокойно, без толкучки. Они разошлись по полю веером и стали делать то же самое: приседать, трогать землю, идти дальше.

— Он почву смотрит, — сказала вдруг Нина Петровна очень громко и очень удивлённо. — Люди! Он почву пробует!

— Чего? — сказал дядя Гена.

— Кислотность, влажность... я не знаю чего, но он её изучает! Господи, да он агроном!

И тут случилось то, из-за чего Заречный к вечеру перестал бояться.

Один из роботов дошёл до края поля, где начинался огород Валентины Сергеевны — брошенный, заросший, потому что ей было восемьдесят два и она третий год не могла его тянуть. Робот встал у покосившегося забора. Постоял. Потом наклонился и стал выбирать из грядки прошлогодний бурьян, складывая сорняки в аккуратную кучку.

Он копал минут пять. Потом выпрямился и посмотрел на людей.

Валентина Сергеевна стояла в толпе. Она заплакала.

Вот тогда всё и повернулось.

3. Город, который поверил

К третьему числу — то есть, простите, к вечеру пятого — в Заречном уже никто не боялся.

К седьмому — в них влюбились.

Это надо понять правильно. Люди не глупые. Первые сутки к роботам никто не подходил, и правильно делал. По всему миру — это стало известно позже, когда связь начала возвращаться, — упало больше девятистот коробок: в Казахстане, в Китае, в Сибири, немного в Индии и на севере Африки. Везде роботы вышли, поклонились и пошли работать в землю.

Их называли собирателями. Кто первый придумал слово — неизвестно, но оно прилипло намертво.

Собиратели не разговаривали. Совсем. Только щелчок, когда соглашались, и низкое гудение, когда что-то было им непонятно. Но человека они понимали — не слова, а показ. Ткну пальцем в грядку — сделает. Покачай головой — остановится.

За неделю они вычистили все огороды в городе.

За две — восстановили теплицы на бывшем совхозном поле, где до этого стояли одни рёбра каркасов. Собиратели откуда-то приносили плёнку. Никто не понял откуда. Они просто уходили в сторону сопки и возвращались с рулонами.

За три — в поле за рекой поднялась зелень. В апреле. В Сибири.

Город изменился быстрее, чем поле.

Появились имена. Валентина Сергеевна звала своего собирателя Петей и разговаривала с ним, как с внуком, и он щёлкал ей в ответ.

И появились линзы.

Про линзы надо отдельно, потому что без них весь дальнейший ужас не сложился бы.

Контактные линзы с искусственным интеллектом придумали не пришельцы. Их придумали люди, ещё до всего, и в 2029-м они были у половины города — надеваешь утром, и мир становится подписанным. Смотришь на растение — видишь название. Спрашиваешь шёпотом — тебе шёпотом отвечают прямо в ухо.

В линзах был весь интернет.

И в линзах был даркнет.

Про даркнет в Заречном знали как про болото за сопкой: оно есть, туда не ходят, а кто ходил — тот врёт, что не ходил. Там продавали и покупали то, что нельзя.

Именно там, в самом дальнем углу даркнета, ещё в марте появилась короткая запись, которую никто не принял всерьёз:

«Не оставляйте помощников на улице после захода. Просто заносите их. Это всё, что я могу сказать».

Ниже стояло четыреста двенадцать смеющихся смайликов и один ответ: «Пруфы или слив».

Пруфов не было.

Кирилл нашёл эту запись позже, когда уже знал, что искать. И до конца жизни помнил дату: за два месяца до падения коробок. Кто-то знал заранее.

4. Ночь, которую никто не должен был увидеть

Двадцатого числа Кирилл не спал.

Он не спал не из-за роботов. Он не спал из-за расчёта.

Дело в том, что у братьев была тайна. Она стояла в старом ангаре за домом и звалась просто — «изделие». В ту ночь Кирилл третий час считал траекторию, у него не сходилось на четыре процента, и он вылез из кровати за блокнотом, оставшимся на кухонном подоконнике.

Кухонное окно смотрело на огород Валентины Сергеевны.

Кирилл взял блокнот, повернулся уходить — и остановился.

На огороде стоял Петя.

Ничего страшного в этом не было. Собиратели часто оставались в огородах на ночь — они не спали, они просто замирали, как выключенный станок, и стояли до рассвета. Валентина Сергеевна раньше заводила Петю в сарай, а в последнее время перестала: ну что ему сделается, железнору.

Было двадцать три сорок. Луна светила ровно, как лампа под абажуром.

Петя стоял неподвижно.

А потом жёлтая монетка у него на груди погасла.

Огонёк выключился и загорелся снова.

Красным.

Петя поднял голову. Кольцо линз провернулось — и не остановилось, а продолжало крутиться, медленно, как прожектор на маяке. Робот выпрямился во весь рост, и Кирилл вдруг понял, что раньше собиратели никогда не стояли прямо: они всегда чуть склонялись, и от этого казались вежливыми.

Он повернулся к дому Валентины Сергеевны.

И пошёл.

Он шёл не как раньше. Раньше собиратели передвигались осторожно, ощупывая почву. Сейчас Петя шёл ровно и быстро, по прямой, через грядки, ломая ногами то, что сам весной посадил.

— Маршал! — заорал Кирилл. — МАРШАЛ!

Дальше было три секунды абсолютной каши. Грохот в коридоре. Михаил впечатался в дверной косяк. Маршал вылетел на кухню в одном ботинке, увидел красный огонёк за окном — и, надо отдать ему должное, не задал ни одного вопроса.

— Фонарь. Лом. За мной.

Они выскочили во двор.

— ПЕТЯ! — заорал Михаил. — СТОЙ!

Робот остановился.

Он развернулся к ним — не всем корпусом, а только верхней частью, и это было отвратительно, потому что ноги остались стоять как стояли, а верх провернулся на сто восемьдесят градусов, как крышка на банке.

Он смотрел на них.

— Спокойно, — сказал Маршал очень тихо. — Кир, назад за меня. Миша, стой где стоишь.

— Он же ручной, — прошептал Михаил. — Он же Валентине Сергеевне картошку...

— Стой где стоишь.

Робот шагнул к ним.

И вот тогда Маршал сделал то, что потом обсуждали в Заречном целый год. Он поднял руку и показал ладонью вниз — тот самый жест «стоп», который понимали все собиратели.

Робот замер.

Он замер по-настоящему, на середине шага, с поднятой ногой. Красный огонёк на груди задрожал. Изнутри у него пошло то самое низкое гудение — «не понимаю».

— Он борется, — прошептал Кирилл.

— Что?

— Он борется! Смотри на огонёк!

Монетка на груди мигала: красный — жёлтый — красный — жёлтый. И вместе с ней дёргалось всё тело: робот делал полшага вперёд и отдёргивал ногу назад, как будто в нём сидели двое и тянули в разные стороны.

Гудение стало громче. В нём появилось что-то, от чего Кириллу стало по-настоящему плохо. Это был не звук машины. Это был звук существа, которому очень больно.

— Заводи его в сарай, — сказал Маршал.

— Что?!

— В сарай! Быстро! Под крышу!

Михаил рванул щеколду. Дверь сарая распахнулась, дохнув сеном и керосином.

Маршал шагнул к роботу — прямо к нему, вплотную, безоружный, — и показал ладонью в сторону сарая. Тот жест, которым весь город месяц показывал собирателям: сюда.

— Пожалуйста, — сказал Маршал.

Робот качнулся.

И пошёл в сарай.

Он шёл тяжело, спотыкаясь, красный огонёк дёргался, но он шёл — и вошёл, и Михаил захлопнул за ним дверь и навалился спиной.

Секунд десять внутри что-то ворочалось и гудело.

Потом гудение оборвалось.

Потом сквозь щель в двери потёк ровный жёлтый свет.

Они простояли так, наверное, полчаса. Никто не решался открыть. Первым не выдержал Кирилл — присел и заглянул в щель у самой земли.

Петя стоял посреди сарая. Ссутулившись, как обычно. Монетка светила тёплым жёлтым. Тонкими пальцами он аккуратно перебирал рассыпанную по полу картошку и складывал её в ящик.

Кирилл сел прямо на холодную землю.

— Под крышей он нормальный, — сказал он. — Маршал. Ты понял? Под крышей — нормальный. Дело не в темноте. Дело в том, что он под открытым небом.

Маршал молчал долго.

— Значит, сверху что-то приходит, — сказал он наконец. — Каждую ночь. Сигнал.

— Откуда?

Маршал поднял голову.

Над Заречным стояло небо — огромное, чистое, всё в звёздах, и над сопкой медленно ползла одна светящаяся точка, которую в Заречном привыкли считать спутником.

— Оттуда, — сказал Маршал.

5. Голос из космоса

Дальше была неделя, которую Кирилл вспоминал как один длинный день без сна.

Они пытались рассказать.

Это оказалось труднее, чем спасти старушку от робота. Дядя Гена сказал: «Ребят, вы чего, Петька мне вчера дрова сложил». Участковый записал заявление и спросил, не пили ли они.

Валентина Сергеевна поверила сразу.

— Я знала, — сказала она. — Я, ребятки, ночью в окно смотрела и думала: чего это он выпрямился-то. Он же горбатенький у меня.

Они втроём обошли двадцать восемь домов. Двадцать восемь раз повторили: заносите их под крышу. Хоть под навес. Хоть брезентом накройте — но чтобы над ними была не только атмосфера.

Им поверили в четырёх домах.

А потом наступило тридцатое, и верить пришлось всем.

Тридцатого числа, в двадцать три сорок по всей планете, у всех собирателей одновременно погасли жёлтые огни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.